

КРИТИКА Л. ВИТГЕНШТЕЙНОМ КОНЦЕПЦИИ ДЖ. ФРЭЗЕРА
В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЙ СОВРЕМЕННОЙ ЭПОХИ

Статья посвящена рассмотрению парадокса, наблюдающегося в современном мире: прогресс в науке и технике сопровождается ростом интереса к магии, мифам и другим различным верованиям. В связи с этим автор статьи обращается к позициям Фрэзера и Витгенштейна относительно магии, мифов и обрядов. По мнению автора, позиция Л. Витгенштейна, которая ярко показывается в его критике теории Фрэзера, объясняет данное противоречие. Иначе говоря, наука и религия, вера являются «формами жизни», различными координатами, сосуществующими в современном мире. Они равноценны в том смысле, что ни одна из них не обладает преимуществом, не может оценивать другие «формы жизни», т. е. с позиции науки нельзя судить о вере, религии и наоборот.

Ключевые слова: Витгенштейн; Фрэзер; формы жизни; наука; религия; магия; миф; языковые игры

В современном мире происходит прогресс в науке и технике. Но, несмотря на это, магия, мифы и различные верования не отмирают, не исчезают, а, наоборот, интерес к ним растет. Почему же так происходит? Один из вариантов осмысления этого парадокса предлагает Л. Витгенштейн. Особенно ярко показывается его позиция в критике теории Дж. Фрэзера. Поэтому в данной статье мы рассмотрим взгляды обоих мыслителей, поскольку они являются диаметрально противоположными относительно таких феноменов как магия, вера, миф обряды. Несмотря на то, что они рассматривают магические действия у первобытных людей, однако их рассуждения можно перенести и на различные мифы, верования, практики, существующие в современном мире.

Воззрения Фрэзера изложены в его известной работе «Золотая ветвь: Исследование магии и религии» (1890). Витгенштейн же подвергает жесткой критике теорию этого английского этнолога. У философа нет какой-то одной статьи, где бы он рассматривал метода Фрэзера, его теорию. Все отрывистые рассуждения Л. Витгенштейна по этому поводу «рассыпаны» в его личных записях 1930–1931 гг. и 1936–1948 гг. (позже редакторами они были собраны в один текст под названием «Заметки о “Золотой ветви” Фрэзера»), в конспектах лекций его учеников и друзей (например, у Дж. Э. Мура [3, с. 69] и у Э. Эмброуз [5, с. 33–34]). Иначе говоря, витгенштейновскую позицию можно лишь «реконструировать» по таким заметкам, поскольку, как мы уже говорили, у него нет цельного рассуждения с выводами, построенной теорией по этому поводу. В связи с этим приходится самостоятельно интерпретировать записи философа в соответствии с его учением, устанавливая связь с его понятиями (например, такими, как «языковые игры», «формы жизни», «семейное сходство»).

Рассмотрим вначале воззрения Дж. Фрэзера на магию, магические действия. По его мнению, магия – это этап в развитии теоретических построений в понимании мира. Она была у первобытных людей. На смену ей пришла религия, а затем наука. Фрэзер придерживается прогрессистских и эволюционистских убеждений, поэтому он считает, что магия базируется на ошибочных, ложных теоретических положениях, описаниях внешнего мира, в отличие от науки. Последняя воспринимается антропологом как нечто истинное, ведь

она правильно отображает мир, позволяет развиваться миру, обществу, технике, в то время как магия кажется какой-то глупостью, пережитком прошлого, в ней нет прогресса.

Ещё одно положение Фрэзера относительно магии: магические действия имеют одно основание, одну цель. Иначе говоря, их можно объяснить только одним способом – практической полезностью такого действия. То есть человек совершает магическое действие, чтобы чего-то достичь, а не просто так или вследствие традиции. Например, когда древний человек прокалывает иглой куклу своего врага, то он желает ему навредить. Он как бы этим действием имитирует реальное причинение вреда, убийство. Причем, по мнению Фрэзера, такой человек до совершения ритуала создал ошибочную теорию, согласно которой он этим действием будто бы может убить человека. Ведь если бы он руководствовался данными науки, а не магии, дикарь не сделал бы таких нелепых выводов и не производил этот обряд.

Как уже говорилось, по мнению Фрэзера, любое магическое действие можно объяснить, т. е. понять, зачем его совершает дикарь. Антрополог выводит два принципа, на которых основано магическое мышление и благодаря которым мы можем объяснить любой ритуал. Вот как Фрэзер их характеризует: «Первый из них гласит: подобное производит подобное или следствие похоже на свою причину. Согласно второму принципу, вещи, которые раз пришли в соприкосновение друг с другом, продолжают взаимодействовать на расстоянии после прекращения прямого контакта. Первый принцип может быть назван законом подобия, а второй – законом соприкосновения или заражения. Из первого принципа, а именно из закона подобия, маг делает вывод, что он может произвести любое желаемое действие путем простого подражания ему. На основании второго принципа он делает вывод, что все то, что он продельывает с предметом, окажет воздействие и на личность, которая однажды была с этим предметом в соприкосновении (как часть его тела или иначе)» [4, с. 19]. Собственно, пример, приведенный в предыдущем абзаце, хорошо показывает первый принцип. В качестве иллюстрации ко второму можно привести следующее: дикарь ломает, уничтожает вещь (бусы, элемент одежды и пр.), принадлежащую своему врагу. Таким образом, он верит, что может этим действием навредить недругу.

Как уже говорилось, по Фрэзеру, любое действие, любой праздник можно объяснить, установить его происхождение, эволюцию. Или, иначе говоря, любое явление можно объяснить более древним. Так, например, Фрэзер, говорит о праздниках огня (Белтейн), которые есть у многих народов. Во время него сжигаются, приносятся в жертву чучела, которые похожи на людей. По мнению антрополога, это идет от более древней традиции сжигать настоящих людей, просто в течение времени этот обычай трансформировался.

Таким образом, мы видим, что Дж. Фрэзер в своих суждениях о магии древних людей придерживался прогрессистских убеждений, т. е. считал её положения ложными, ошибочными, недотягивающими до уровня науки. Также антрополог считал, что любое магическое действие можно объяснить одной причиной, сводящейся к получению практически полезного результата. Кроме этого, Фрэзер считал, что любое магический ритуал, праздник можно понять, обратившись к прошлому, истории, а именно, проследив, как обычай изменялся на протяжении времени.

Обратимся теперь к позиции Л. Витгенштейна относительно магии, магических действий и его критике теории Фрэзера. Но для начала нужно отметить, что Витгенштейн не является прогрессистом, сциентистом, хотя, со времен «Логико-философского трактата» его именно таковым и считают. Он же довольно критически относится к этим двум убеждениям и на протяжении поздних текстов, записей, лекций пытается избавиться от такого мнения о себе. Поэтому он не принижает положение магии по отношению к науке. Ведь для Витгенштейна она является одной из множества «форм жизни». Последние можно определить как формы социальной организации человеческой деятельности и человеческого опыта. Именно в них и реализуются язык, «языковые игры» – важный для Витгенштейна концепт. По мнению философа, значение слов определяется не словарем, а ситуацией, контекстом, в котором они использовались. Поэтому мыслитель в своих поздних работах анализировал не окостенелые слова, смыслы, находящиеся в словаре, а живые выражения, которые используются при определенных обстоятельствах.

Возвращаясь к магии и ритуалам, нужно сказать, что они являются «формой жизни», а не знания, соответственно, нельзя о них (обрядов) судить с позиции истинного и ложного. Значит, нельзя сказать, что представители разных верований ошибались (например, что всё, о чем пишет Августин ложно). Поэтому некорректно считать, что магия «хуже» науки. Ведь они обе являются «формами жизни». А так как этот концепт у Витгенштейна связан с «языковыми играми», то становится понятным его следующее высказывание: «Всегда магия опирается на идею символизма и на язык» [1, с. 253]. Иначе говоря, философ отмечает, что обряды, магия являются языковыми играми.

Отсюда следует, что для Витгенштейна в ритуалах важно само действие, проживание его, а не теоретические построения, обоснования его, что как раз таки выделяет Фрэзер. И позиция австрийского философа здесь понятна, ведь она согласуется, как мы уже сказали, с его концептом «формы жизни», который связан с событийностью. Иначе говоря, для осмысления, понимания

какого-либо процесса необходимо участие в нем. Как, например, это можно увидеть в любой игре, допустим, языковой, где, только играя в нее, человек может схватывать на интуитивном уровне правила употребления тех или иных слов, их значение, смысл фраз. Так происходит и с религиозным действием, когда человек, участвуя в нем, переживая, веруя, наделяет его смыслом, ценностью. Здесь, понятно, можно увидеть критику Фрэзера и в том, что антрополог пытается как-то извне эти религиозные действия осмыслить, т. е. не погружаясь в них, не участвуя в них. Он смотрит на это всё со стороны и как бы объективно пытается это объяснить, описать, что, по мнению Витгенштейна, является нелепым. Поскольку это всё связано с личными переживаниями людей, верой, ценностями (т. е. это является мистическим, религиозным опытом), то оно является невыразимым. Но это *показываются* в ритуале. Ведь как человек может описать, объяснить мистическое озарение, которое он пережил? Как мы видим, это невозможно.

С этим также связано следующее положение Витгенштейна: «Заблуждение возникает тогда, когда магию начинают истолковывать научно» [1, с. 253]. Здесь нам вспоминается фраза, которую привел философ в своей «Лекции об этике» и которую считал абсурдной: «Наука доказала, что нет чудес» [2, с. 343]. Если судить с позиции науки, то да, чудес нет, а магия – это пережиток прошлого. Но такое объяснение некорректно, ведь доказательство дается из другой формы жизни, из другой системы координат. Для древнего человека или верующего чудо существует, поскольку они верят в него, в действительность магических действий, живут им. Для ученых же – нет, поскольку это не укладывается в их картину мира, где всё взаимосвязано, детерминировано, и поэтому ничего чудесного произойти не может. Здесь также следует отметить важность веры у участников магического действия. Ведь они действительно верят в то, что делают, в магические свойства, законы мира. То есть это не какие-то их отвлеченные теоретические построения, а их жизнь, они находятся в этом, переживают. Например, если древний человек протыкает иголкой фигурку своего врага, то он действительно *верит*, что может таким образом ему навредить. Иначе говоря, как мы уже отмечали, убеждения дикаря нельзя судить с позиции истинно/ложно, ведь это ни мнение, ни знание. Поэтому нельзя сказать, что у него были ошибочные представления о мире, он неверно сделал выводы относительно того, что может нанести вред своему врагу, всего лишь проткнув фигурку иголкой.

Что касается объяснения ритуалов, то Витгенштейн говорит о том, что религиозные действия людей могут иметь не одну, а несколько причин. И здесь он критикует Фрэзера за то, что тот объяснял все ритуалы только одной причиной – получением практически полезного результата. Витгенштейн отвергает это положение и говорит о том, что действие может выражать просто желание, страх или оно направлено на получение удовольствия. В качестве примера он приводит следующие два действия: сжигание магической фигурки и целование портрета возлюбленной [1, с. 253]. Всё это отнюдь не служит тому, чтобы оказать воздействие на изображаемый предмет. Эти действия направлены на

удовлетворение какого-либо желания, причем они его достигают. Также, возможно, они просто ни на что не направлены, но после совершения их человек чувствует удовлетворение. Более того, есть ряд праздников, ритуалов, которые люди совершают по привычке, согласно обычаю и не направлены на достижение практического результата.

Кроме этого, Витгенштейн считает, что объяснения ритуалов, поиск их происхождения бесполезны, ведь всякое объяснение является всего лишь гипотезой. Иначе говоря, обоснования ненадежны, мы не можем быть до конца уверены, что наши предположения верны. Все эти теоретические построения только запутывают. Тогда зачем болтать просто о предположениях? Поэтому Витгенштейн пишет следующее: «Здесь можно только описывать [ритуалы] и говорить: такова человеческая жизнь» [1, с. 252]. Из этого высказывания также можно сделать вот какой вывод: бессмысленно объяснять, как воздействует на человека тот или иной обряд, ведь это и так понятно тому, кто читает его описание. Например, при описании ритуала, который *показывает* величие смерти, нелепо говорить, что он именно это выражает. По Витгенштейну, это невыразимо, т. е. мы не можем до конца передать в языке переживания ритуала, воздействие, которое оно на нас оказывает. Ведь они не схватываются языком. Да это и незачем, ведь мы сами можем пережить эти чувства, если поучаствуем в этом религиозном ритуале или прочитаем его описание. Об этом мы говорили ранее.

Именно поэтому, по мнению Витгенштейна, нужно расположить так весь этнографический материал, описания магических действий, которые приводит Фрэзер, в отношении друг друга и к нашим собственным ритуалам, чтобы *показать* нам сходство (идея семейного сходства), связь между ними. Они также будут *показывать* общие человеческие склонности, потребности, которые выражаются и удовлетворяются в этих праздниках (в данном случае, праздниках огня у разных народов). То есть такие обряды необходимы человеку для переживания каких-либо состояний, ощущений, которые нельзя испытать нигде, кроме как магических действий. Например, восприятие величия смерти. Подобное изложение этнографического материала по принципу се-

мейного сходства Витгенштейн называет прозрачным. Поскольку показывает обряды такими, какие они есть, без выдуманных выводов исследователя.

Как мы видим, Витгенштейн считает магию, ритуалы такой же «формой жизни», как и науку. Нельзя оценивать религиозные верования людей как отсталые, ошибочные, ложные, поскольку они являются именно их жизнью, а не теоретическими построениями. Также, по мнению философа, религиозное действие может иметь несколько причин. Оно необязательно объясняется его практической полезностью. В ритуале может выражаться желание, страх совершающего его человека. Также Витгенштейн считает, что нужно просто описывать ритуалы, а не объяснять, что они значат, их происхождение, ведь это всего лишь наши гипотезы, они ненадежны.

В итоге, можно заметить, что Дж. Фрэзер и Л. Витгенштейн придерживаются противоположных взглядов относительно магии и ритуалов древних людей. Если первый рассматривает обряды с прогрессистской, эволюционистской и европоцентристской точки зрения, считает их пережитком прошлого, то второй напротив, считает, их такими же «формами жизни» как и науку. Иначе говоря, Фрэзер пытается с позиции науки проанализировать (объяснить, выявить происхождение), магию, её оценить на истинность/ложность. В то время как Витгенштейн считает такой подход к ритуалам глупостью и говорит о том, что так делать нельзя, нужно по-другому рассматривать обряды. А именно – просто описывать, не делать никаких выводов, объяснений, ведь они являются всего лишь гипотезами, поскольку связаны с личными, мистическими переживаниями людей, их жизнью. А это невозможно до конца выразить в языке.

В целом, критика Витгенштейном Фрэзера видится нам вполне корректной. Более того, позиция австрийского философа объясняет, на наш взгляд, парадокс в современном мире, связанный с ростом научно-технического прогресса и одновременно ростом интереса к магии, различным верованиям. Нам близки взгляды Витгенштейна относительно магии и ритуалов и кажутся более глубокими, нежели взгляды Фрэзера по этому вопросу.

Литература

1. Витгенштейн Л. Заметки о «Золотой ветви» Фрэзера // Историко-философский ежегодник 1989. М.: Наука, 1989. С. 251–268.
2. Витгенштейн Л. Лекция об этике (1929 или 1930) // Дневники 1914–1916. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2018. С. 332–344.
3. Мур Дж. Э. Лекции Витгенштейна в 1930–33 гг // VOX. Философский журнал, 2015, № 19. С. 1–78. URL: <https://vox-journal.org/content/Vox19/Vox19-Moore.pdf> (дата обращения: 17.10.2021).
4. Фрэзер Дж. Золотая ветвь. Исследование магии и религии. М.: Политиздат, 1980. 831 с.
5. Wittgenstein's lectures, Cambridge, 1932–1935 / ed. Alice Ambrose. Oxford: Basill Blackwell, 1979. P. 1–40.